

Василий Лягоскин

Дир
Ярославны

Ох уж эти женщины!
Часть третья

Василий Иванович Лягоскин

Пир Ярославны. Ох уж эти женщины! Часть третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22368187

ISBN 9785448355332

Аннотация

Новые приключения Виктора Кошкина, учителя истории из Геленджика, в далеком прошлом. Теперь он отправляется туда не ради золота и бриллиантов. Стихотворные строки, которые на этот раз стали ключом в Древнюю Русь, теснятся в голове и не дадут ему покоя до тех пор, пока Виктор Николаевич не убедится в очередной раз, что главное сокровище во все времена – женщина...

Пир Ярославны

Ох уж эти женщины!

Часть третья

Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2016

ISBN 978-5-4483-5533-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось
Уже невеселое, братья, время настало...*

Строки были смутно знакомы; Николаич даже напряг было память, чтобы понять, кто пришел на смену Гомеру. Потому что ни к «Илиаде», ни к «Одиссее» этот стихотворный отрывок отношения не имел.

– Главное, – отложил на потом узнавание Кошкин, поправляя треники и останавливаясь рядом с Николаем и Валентиной, – что эти слова как никакие другие точно отражают выражение лица соседа.

Он огляделся. Людмила с сыном сидели у накрытого

до сих пор «стола» – метрах в десяти от входа в дольмен – и видеть сумрачного лица мужа и отца не могли. А Николай, между тем, от печали и растерянности перешел к ожесточенной, иступленной злости. Даже сделал было движение, чтобы схватить Кошкина за воротник. Увы – у линялой футболки соседа, одетой сегодня в качестве талисмана, никакого воротника не было. Да и сам Николай одумался, разжал кулак – тот, в котором не был зажат громадный драгоценный камень.

– Правильнее всего, – начал он объяснять сумеречное состояние собственных души и тела, – было бы кончить вас здесь обоих и закопать – поглубже. Лопата, кстати, в багажнике есть.

– Ага, – догадался Николаич, совсем не испугавшийся такого мрачного предложения, – ею ты и ковырялся в дольмене. И за что такая немилость, скажи, пожалуйста!

Николай правильно оценил его безмолвный порыв, и нахмурившиеся брови Валентины Степановны, и продолжил объяснения:

– На этот камушек, – он подвесил за цепочку бриллиант Пенелопы перед носами Кошкиных, – можно купить весь Геленджик. Еще и сдача останется. А там, где большие деньги, там большая кровь. Знаете историю знаменитого индийского алмаза? Кажется, его называют Кохинором?

Николаич, призванием и профессией которого была история, даже оскорбился: «Что значит знаю? Я тебе такие подробности могу про этот камень рассказать!».

Подробности, кстати, действительно были кровавыми. Отсвет этой крови Николай уловил в глазах соседа; тот кивнул и резюмировал:

– Так что, ребята, с этим камушком можно нажить беды... выше крыши. Но и подняться можно так, – внезапно улыбнулся он, – что никакая крыша уже не будет нужна.

*Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла...*

Николаич споткнулся в душе, потеряв вместе с неведомым автором рифму.

– Какой король; при чем тут Дунай?! – воскликнул он, заставив Николая с Валентиной недоуменно вскинуть брови.

Он смущенно улыбнулся, еще немного порывлся в своей памяти; опять не смог отыскать неведомый источник, и жалобно уставился на довольное теперь лицо соседа.

– А может, ну его, этот бриллиант, – почти прохныкал он, – давайте его в костер бросим; проверим, так ли он хорошо горит, как обычный уголь.

Валентина, до этого мгновения изображавшая из себя глупо кивающую куклу ростом метр восемьдесят, при слове «бриллиант» очнулась; явила миру круглые и очень заинтересованные глаза.

– Бриллиант?! – воскликнула чуть громче, чем следова-

ло, – настоящий?!!

Теперь к ним присоединились Люда с Сашком, и Николай, негромко чертыхаясь, пошел к «столу» за доказательствами.

– Вот, глядите, – поднял он пустую бутылку из-под «Хен-несси».

Когда Кошкин «нырял» в мегалит, бутылка была наполовину пустой.

– Или наполовину полной, – поправил себя историк, наблюдая, как по прозрачному стеклу поползла светлая царапина.

Николай ловко провел глубокую черту по окружности, а потом, внешне не прилагая никаких усилий, переломил бутылку, которая лишь чуть слышно хрустнула. Теперь не осталось никаких сомнений – в его руках сейчас был драгоценный камень, равного которому по размерам и чистоте не было во всем мире.

– И как только этот факт не подчеркнул в своей «Одиссее» Гомер? – с каким-то непонятным весельем подумал Виктор Николаевич; и с еще более ехидной ухмылкой ответил себе, – потому и не отметил, что я этот камушек умыкнул из дворца Одиссея. А они – цари Итаки – то ли забыли о нем в пылу страсти, то ли постеснялись – не хвалиться же тем, что потеряли фамильную драгоценность...

– И что будем делать? – задал он вопрос, мучивший, наверное, всех.

– Не будем, а буду, – опять сделал суровой физиономию

Николай, – а вы все хором будете забывать, что даже видели этот камень. Вот прямо сейчас и начинайте. Понятно?

– Понятно, еще как понятно, – облегченно вздохнул Николаич, поворачиваясь к супруге.

Валентина – вот диво – приказ соседа приняла тоже на редкость серьезно; Кошкин прекрасно знал, что означают желваки на ее скулах и молнии в глазах. Они означали, что она сама ничего никому не скажет, и мужу башку оторвет – если он малейший намек сделает про брил...

– Нет, все, – Николаич в непритворном испуге прикрыл ладошкой рот, – я даже слова такого не знаю!

На следующее утро Кошкин, собравшийся было вприпрыжку броситься вниз по лестнице (он уже опаздывал на первый урок), невольно задержался. Потому что Сашку в детский сад с верхнего этажа вела Людмила, а не отец, как обычно.

– А где Николай? – машинально поинтересовался он, даже забыв поздороваться.

– Не знаю, – пожала плечами столь же забывчивая сегодня соседка, – уехал куда-то рано утром. Обещал к субботе вернуться...

Жены русские всплакали, приговаривая:

Уж нам своих милых лад

Не мыслию смыслить,

Не думаю сдумать

Не очами оглядеть...

Люда, «жена русская», действительно была хмурой. Николаич сумрачного состояния ее души усугублять не стал, хотя его тоже терзали недобрые предчувствия. Он только потрепал Сашку по вихрастой макушке, подмигнул ему озорно, получив такой же ответ, и продолжил свой путь – уже наперегонки с пацаном. Еще он дал себе слово сегодня же пошарить в интернете; разобраться, что за строки лезут ему в голову так удачно и вовремя...

Николай вернулся в пятницу вечером, и тут же спустился к соседям; вместе с женой и сыном. А Валентина словно ждала их прихода; напекла – в кои-то веки – пирогов с самой разнообразной начинкой. Даже с луком и яйцом, которые Николаич любил больше всего. Такое лакомство историчку доставалось очень редко – по причине того, что супруга просто ненавидела запах лука, который Кошкин потом вместе с дыханием исторгал из своего нутра.

Теперь же она сама машинально поглощала пирог за пирогом, пытаясь представить себе, сколько нулей таится в конвертах, что выложил перед соседями Николай.

– Это кредитные карты, – пояснил тот, доставая из одного конверта пластиковый прямоугольник, – «Виза», «Мастер-кард»; ну и другие – про некоторые раньше я и сам не слышал. В конвертах пин-коды, и все остальное. Денег на карточках много, очень много. Только ради бога – не пускайтесь в загул; не скупайте все подряд.

Он откусил сразу половину пирожка, отхлебнул из бокала остывший уже чай и понизил голос, оглянувшись на заснувшего, мирно сопевшего на диване Сашку.

– Их вам хватит до конца жизни. Перестраховался, как мог. Даже если вся наша экономика рухнет, а банки лопнут – до самого последнего – у вас что-нибудь, да останется. Хорошее такое «что-нибудь». А теперь давай, сосед, колись! Твоя очередь.

– О чем это ты? – даже испугался немного Николаич; он провожал взглядом жену, которая уносила в неведомое (в другую комнату) конверты, и совсем не ожидал вопроса.

– Обо всем, – ласково, до мурашек на спине Кошкина, улыбнулся сосед, – с самого начала и поподробней. Этого камушка, который сейчас уже далеко, так далеко, что... в общем, надеюсь, что мы о нем больше не услышим. Так вот, этого камня в дольмене не было. И появиться сам он там никак не мог. Значит, это ты там, Николаич, нахимичил.

– Я не химик, я историк! – хотел возмутиться Кошкин, но...

Он наткнулся на четыре жадных, предвкушающих захватывающие приключения, взгляда, и открыл рот – уже для рассказа...

*Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,*

*Говор галок в поле пробудился
Соловьиный щекот приумолк...*

Сказать по правде, Кошкин никогда не слышал живого соловья. Сейчас же он сам заливался во все горло, практически до утра распевшись на все лады; даже изображая временами почти точь-в-точь нежные голоса Кассандры и Пенелопы. Сейчас, был уверен Николаич, этот рассказ волновал воображение слушателей даже больше, чем богатства, которые куда-то унесла Валентина Степановна. Удивительная история; точнее истории, рассказанные поочередно, так воодушевили Николая, что тот вскочил к концу повествования, и начал мерить комнату шагами, явно собираясь сообщить что-то не менее волнующее. И, как только выдохшийся, наконец, Кошкин закрыл рот, его тут же открыл сосед. Показав пальцем на окно, где все было уже серым, и куда пробивались первые шумы субботнего утра, он провозгласил:

– Скоро семь часов, а сна ни одним глазу. Поехали!

– А я спать хочу, – капризным голосом заявил Николаич, – и проголодался еще, к тому же.

– Ешь, – Валентина тут же сунула ему под нос остывший пирожок, – а выспишься там.

– Где «там»? – Кошкин уже все понял, и совсем не был против еще одного «приключения», даже без плюшек в виде очередного клада, – хотя...

*Захватили золота без счета,
Грудю аксамита и шелков.
Вымостили топкие болота
Япанчами красными врагов...*

– А можно без врагов, и без их трупов? – жалобно пролепетал он, подчиняясь могучему вихрю, имя которому было – безудержная энергия Николая...

Увы, ни эта энергия, ни пароль в виде строк бессмертного гения древнего мира, в эту субботу не помогли. Сосед даже слетал на своей ласточке (так он называл свой двухсотый «Лендкрузер») в магазин в центре города, где его всегда ждала заветная бутылочка «Хеннесси» – после того, как Кошкин безрезультатно подремал в мегалите, поочередно вспоминая героев (и героинь) обоих древних эпосов. Сам Николай не пил – наблюдал, как это делает Николаич; стакан за стаканом. После четвертого Кошкин отказался лезть в узкое отверстие; расстелил коврик снаружи, и тихонько захрапел. Слова соседей, и своей благоверной Валентины сквозь шум в ушах Николаич слышал, но не воспринимал их. Лишь глупо улыбнулся на последнюю фразу Николая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.